

Фото: ТАСС / Михаил Почуев

*«По складу
ума я гуманитарий,
по образу жизни –
инженер-проектировщик...»*

Президент Института Ближнего Востока Евгений Янович Сатановский — личность публичная. Авторитетный востоковед, аналитик, специалист по международным отношениям, он часто появляется в самых популярных политических программах. Однако наш разговор не о политике, а о науке, которая, как выяснилось, составляет важную часть жизни Евгения Яновича. Наш собеседник утверждает: жить в обществе и быть свободным от понимания его законов — это все равно что совать палец в розетку.

*Беседу вела Наталия Лескова,
специальный корреспондент журнала
«Экономические стратегии»*

Евгений Янович, как Вы, металлург, специалист по обустройству металлургических комбинатов, вдруг попали в востоковедение?

Мне с детства хотелось заниматься гуманитарными науками, археологией. Мечтал я об историческом факультете Московского университета. Но, поскольку истфак МГУ — структура заведомо идеологическая, евреев туда практически не брали, и я пошел по следам отца и брата в металлургию, точнее в Московский институт стали и сплавов. И, полагаю, сделал, правильно, потому что все, что я с тех пор заработал, дала металлургия. В.П. Елютин, тогдашний министр образования, был выпускником нашего института, поэтому МИСиС оказался лучшим металлургическим вузом мира и одним из лучших технических вузов страны. Нас очень хорошо учили. Учили думать и учиться — всю жизнь, а это всегда нужно. Совершенно не важно, чем вы занимаетесь — ядерной физикой, системой безопасности, управлением страной или журналистикой. Один из моих однокашников — директор Института криминалистики в госбезопасности. В МИСиС учились Владислав Сурков и Владимир Соловьев. У меня преподавал Виктор Берковский — профессор МИСиС, всем известный как бард и композитор.

Мне с подростковых лет был интересен Ближний Восток просто потому, что это место, откуда произошли все евреи. Так что закончилось тем, что я защитил диссертацию в Институте востоковедения.

Причем по экономике...

Ну чем я мог порадовать востоковедение? Языками? Так на Ближнем Востоке, по крайней мере в регионе, которым я занимаюсь, на практике хватает русского и английского. На русском в Израиле говорят многие, по-английски — в официальных учреждениях.

➤ Создаете ли вы завод, страну, научный институт или армию, вы берете тех людей, которые вам необходимы и которые разбираются в этом лучше, чем вы. При этом они должны быть порядочными и ответственными.

Мой весьма плохой иврит не улучшился с годами. Поэтому диссертация по экономике Израиля была написана и защищена в ИВ РАН, и от этого был толк. А Институт Ближнего Востока начался с 1990-х, когда перестали издавать книги и начали выбрасывать на улицу архивы. Жалко было терять документы, которые сохранялись десятилетиями. У нас до сих пор находится часть архива Института мировой экономики и международных отношений, спасенного в те годы. Мы забрали все, что связано с Ближним Востоком, и сохранили. К тому времени у меня уже хранились обширные архивы и библиотека еврейского подполья.

В 1995 году у нас вышла первая книга, ее написал тогдашний заместитель директора Института востоковедения А.З. Егорин. Сегодня напечатано около 300 книг — монографии, сборник статей, журнал «Ближний Восток и современность», к примеру, вышел на шестой десяток выпусков. Каждый год с начала 2000-х на сайте института появляется все больше аналитических материалов. Начали с десятков, потом пошли сотни, а в этом году будет более трех тысяч...

Вы же еще и преподаете?

Да, однажды в Институте стран Азии и Африки при МГУ меня попросили заменить на полгода одного из преподавателей. Вот уже 20 лет, как я там преподаю. В прошлом году получил звание профессора — сподобился под конец жизни!

Какой конец жизни? Вам же нет еще шестидесяти.

У нас в семье мужчины рано умирают. Надеюсь, я этой семейной традиции последую и не увижу окончательного развала всего разваливающегося.

Развал — это неизбежно?

Да. Закон природы...

Давайте не будем о грустном.

Так ведь это эволюция. Когда динозавры умирают, приходят млекопитающие. Когда Римская империя разваливается, вы можете сколько хотите ходить вокруг Колизея с лозунгами: «Не допустим наступления Средневековья». Хоть сенаторы будут протестовать, хоть всадники, хоть плебс вместе с пифиями, авгурами и понтификами, оно все равно наступит. Это нормально. Законы эволюции действуют и в человеческом обществе, и в природе.

Тогда каков ваш прогноз? Что наступит после разрушения?

Прогнозами я не занимаюсь. Но, думаю, наступит очередное варварство, как всегда. А потом варвары становятся цивилизованными людьми. Евреи на фоне Египта были совершенными варварами. Только если бы не они, про египтян, вавилонян, ассирийцев, персов никто бы в современном мире и не вспомнил. Сами по себе названия племен — варвары, вандалы — звучат не очень комплиментарно. Все помнят золотой век того же халифата, но никто не помнит, как конница последователей Пророка, вырвавшись из Аравийских пустынь, жгла Александрийскую библиотеку, уничтожая античную культуру. Но, увы, таков ход истории.

Давайте поговорим о деятельности вашего института, который живет и работает вот уже четверть века.

Институт начался с того, что еще при М.С. Горбачеве мы с его директором и моим другом Ефимом Жигуном вместе с коллегами стали создавать Еврейское историческое общество, Еврейскую культурную ассоциацию и много чего другого. Это было время, когда делать такие вещи официально еще было нельзя, но за это уже не сажали. Я, к слову, руководил всем еврейским самиздатом Советского Союза: 49 тысяч экземпляров за первые полгода в 1989 г., включая 11 периодических журналов, в том числе «Еврейский исторический альманах». Было интересно. В 1970-е разгоняли любые академические собрания, которые пытались заниматься еврейской культурой, историей, чем угодно еврейским — вполне невинным. Почему-то считалось, что этого до-

пускать нельзя. В конце 1980-х стало спокойнее, и я был достаточно активен в этой сфере деятельности.

Вы тогда работали на заводе «Серп и молот» чуть ли не рабочим?

Именно рабочим на заводе «Серп и молот» я и трудился — шесть лет в сортопрокатном цехе прицепщиком горячего металла. С тех пор мне было уже ничего не страшно, потому что тяжелее этой работы в Москве было не найти. В остальное время я мог учить иврит, заниматься фольклором, еврейскими фамилиями и массой других штудий. А потом пошло востоковедение... Как вы, в самом деле, можете заниматься Израилем, не разбираясь в том, что происходит по соседству у арабов, персов, турок, курдов?

А как вы в этом разобрались? Читали книги?

У нас в России великолепная востоковедческая школа. Я много читал. По образованию я инженер, а значит, должен понимать, из каких кубиков и как именно строится система. Создаете ли вы завод, страну, научный институт или армию, вы берете тех людей, которые вам необходимы и которые разбираются в этом лучше, чем вы. При этом они должны быть порядочными и ответственными людьми.

А какие люди у вас работают?

Эти люди работают в разведке и в МИД, в банках и корпорациях, на госслужбе и в самых неожиданных учреждениях, а также в академических институтах. В штате у нас только директор — упомянутый мною Ефим Жигун. Остальные — эксперты. Кто-то пишет для нас постоянно, кто-то один раз. Как раис Палестинской национальной администрации Абу Мазен, книгу которого «Путь в Осло» мы перевели по просьбе МИД с арабского языка и издали в 1996 году.

Каковы основные темы ваших публикаций?

Современность Ближнего и Среднего Востока — в самом широком понимании этого региона. Экономика и политика, военные конфликты и терроризм, экология и демография, религиозная сфера — в части радикального политического ислама в масштабах всей планеты. К сожалению, мы не можем охватить всего. История, этнография, лингвисти-

Фото: ТАСС / Анна Исакова

ка и прочие штудии, не связанные с основным направлением нашей деятельности, нами весьма уважаемы, и мы их поддерживаем, как можем, но за пределами работы ИБВ. Существует огромное количество тем, которые напрямую не связаны с деятельностью института, хотя пройти мимо невозможно, потому что чрезвычайно интересно. Но это уже сфера чистой благотворительности в рамках поддержки коллег и друзей.

У вас же довольно много собственных книг.

Около десятка. Первой стала диссертация, которую я написал в 1999 году, «Экономика Израиля в 90-е годы». Вторая книга — «Израиль в мировой политике». По ней я преподаю на третьем курсе экономистам ИСАА, занимающимся ивритом. Туда попали те регионы и страны, с которыми Израиль сосуществует на планете, там же расписана глобализация исламистского терроризма. Все прочее — популярная литература о том, как устроены окружающий мир и отдельно взятая Россия, еврейская диаспора и еврейское государство, с моей точки зрения. Примерно раз в два года пишу по книжке.

Последнюю мы «наговорили» с моим другом Яковом Кедми, бывшим главой Лишкат а-Кешер в рамках съемок девятисерийного фильма, который пока что так и не вышел на экран. Получилась книга в диалогах.

Как, наверное, уже понятно, я никогда не стремился заниматься только отвлеченной академической деятельностью. Мне нравится заниматься прак-

тикой, и институт только ею и занимается. Люди пишут о том, что хорошо знают, и это очень ценно для конкретных ситуаций и дел. И не только о странах Ближнего и Среднего Востока, но и о том, как работают в регионе США и государства Европы, Япония и Китай, Индия и Корея... А также о том, как местные игроки действуют по всему миру — не исключая Россию. У нас подобрана замечательная команда профессионалов. И вдруг выясняется, что в рамках, например, сирийской военной кампании наши специалисты могут помочь Министерству обороны как аналитики, в результате чего они получают медали и грамоты от начальника Генштаба и от министра обороны. Меня это более чем удовлетворяет, их тоже. Как, надеюсь, и военных.

Периодически к нам приходят люди из университетов или академических институтов, которым нужно помочь издать результаты их исследований, близкие нам по теме. Так было с Тюменским университетом, где занимаются исламом в Зауралье. Сибирь и Дальний Восток — не наша тема, но мы выделили им необходимые средства, потому что это очень важно.

Это меценатство?

Наверное. Но я всю жизнь этим занимаюсь. Мы помогли многим людям, которые работают в культуре, науке, искусстве...

Даже если напрямую к вам это не имело отношения?

К нам имеет отношение то, что от этого жизнь становится немного лучше. Мы с друзьями занимались финансированием массы проектов. В начале 2000-х вместе с археологами

В.Я. Петрухиным и И.А. Аржанцевой инициировали раскопки Хазарского каганата. И до сих пор «Хазарский проект» действует. В Государственном историческом музее есть связанная с хазарской темой коллекция, которую я подарил музею, выкупив у частных владельцев. Как сказали музейщики, это второй по размеру дар музею после его основания Иваном Забелиным. В РГГУ был сформирован археологический кабинет. Я позволил себе чуть-чуть пополнить фонды санкт-петербургского «Эрмитажа» и Российской государственной библиотеки, поддержать Иерусалимский университет... Много было и отдельных проектов.

Один из важнейших — компаративистика, сравнительно-историческое языкознание. Великий, к сожалению покойный, лингвист Сергей Старостин, член-корреспондент РАН и один из самых известных гуманитариев на планете, работавший с сотнями языков, занимался проектом «Вавилонская башня», который поддержал один из величайших физиков XX века Мюррей Гелл-Манн, нобелевский лауреат, открывший кварки. Сейчас проект продолжает его сын Георгий Старостин. Московская лингвистическая школа абсолютно уникальна.

В сфере точных наук мне довелось работать с В.А. Аветисовым, руководителем лаборатории Теории сложных систем Института химической физики имени Н.Н. Семенова, который курировал проект «Биопоэз» о происхождении жизни во Вселенной — при каких граничных условиях неживая материя становится живой.

Евгений Янович, в самом начале вы говорили о неминуемом развале, а сейчас рассказываете о своей деятельности в поддержку науки. Зачем это делать, если все равно нас ждет развал?

Ирландские монахи на руинах Римской империи писали в монастырях на своем острове рукописи на латыни и украшали их изумительными миниатюрами. Я занимаюсь тем же самым — непрактичным и ненужным для зарабатывания денег. В ситуации развала нужно писать книги и сохранять то, что может вот-вот исчезнуть, — насколько хватит времени,

сил и средств. Мне, к примеру, было интересно в рамках востоковедения заполнять лакуны, которые были видны невооруженным глазом в 1990-е. Мы маленькая команда, которая действует без государственных денег. Но нам удалось отстроить лучшую школу, чем на Западе.

Экономику нужно изучать — и не только ее, исходя не из мифологии, а из реальности. Каковы интересы той или другой страны в этом мире? Как вообще все это устроено? Выяснилось, что к концу советской власти у нас совершенно не изучали племена. Все народы мира должны были двигаться в сторону социализма. Какие племена, какие кланы, это все отживающее! Сегодня понятно, что это основа Африки, Ближнего и Среднего Востока. Мы занимаемся заполнением этих пустот.

В советское время у нас была масса специалистов по критике сионизма и практически не было специалистов по Израилю. А сегодня наша школа израилеведения, наверное, самая сильная в мире. Она у нас лучше, чем в самом Израиле! Есть также сильная школа живущих в Израиле русскоязычных специалистов, которые пишут о своей стране на русском и издают у нас потрясающие книги. Сегодня эта школа сильнее американской и европейской на порядок.

Занялись палестинцами. Впервые за десятилетия разобрали — кто такие палестинцы. Какие у них племена и какие кланы, какого они этнического происхождения, какие отношения у них между собой. Первую книгу такого рода в мире написал для нас Михаэль Чернин. Почти десять лет он работал над ней, «выкапывая» все, что можно, из арабских, турецких, персидских и прочих архивов.

Племен, наречий, этнических групп огромное количество. Зачем всем этим нужно заниматься?

Зачем нужна техника безопасности? Зачем на стройке пишут: «Не стой под стрелой»? Зачем нужно рассказывать детям на ОБЖ, чтобы они не дышали хлором и не прыгали со стен высокого здания?! Не выжить человеку, не выжить стране, не выжить человечеству, если не понимать, как устроен мир, чем живут твои соседи, кто они такие и что у них происходит.

➤ **Не выжить человеку, не выжить стране, не выжить человечеству, если не понимать, как устроен мир, чем живут твои соседи, кто они такие и что у них происходит.**

С точки зрения профессиональной, как можно подписывать контракты с той или иной страной, вести с ней переговоры, если вы не знаете, как она устроена? Вы должны понимать, что человек, с которым вы подписываете бумаги на десятки миллиардов долларов, завтра нарушит условия, на которых вы с ним это подписали. Не потому, что он плохой — он так устроен. Очень часто такое происходит.

Из нашей беседы я делаю вывод: понимание международных отношений равносильно пониманию физических законов. Не надо совать палец в розетку, если хочешь жить. Совершенно верно. Видишь саблезубого тигра — отойди.

Вы сказали грустную, с моей точки зрения, фразу: «Вымрут люди — останутся крысы». Думаете, так и будет?

Я не знаю, как будет, но крысы — животные, умеющие прекрасно приспосабливаться. Поэтому, они главные претенденты на роль наших преемников на планете. В этом смысле интересны наблюдения за людьми. Я бы разделил людей на несколько типов. Есть наблюдатели, которые, ничего не делая, лишь смотрят, что будет. Есть бобры. Они строят хатки и плотины, им важен процесс созидания. И есть крысы. Они очень умны, изобретательны и любопытны, но ничего не строят. При этом механизм приспособления у них колоссальный.

Вы, конечно, бобр?

Да, я строю разные хатки. И не я один. Но крысы в какой-то момент могут оказаться сильнее. Такая карма.

Что делать?

Думать. Как можно больше и как можно чаще.

